

18+

Дарья Черноусова

Тетради

СТИХИ

Дарья Черноусова Тетради. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57339345

ISBN 9785005129161

Аннотация

Лирические «Тетради» Дарьи Черноусовой завораживают своей проникновенной искренностью, чистотой и глубиной чувств, особой, неповторимой музыкой. Перед нами не просто тетради стихотворений, это – уникальный поэтический дневник. Его страницы хранят каждое движение души, даже самое неуловимое, каждый жест, взгляд. Может быть, поэтому читатель, открыв этот удивительный сборник, непременно найдёт в созвучии строк дорогие, заветные слова? Анастасия Донских.

Содержание

«Мелодия – по хроматической...»	6
«Жизнь – зазеркалье надежд...»	8
«День опрокинулся яшмовой чашей...»	10
«Живой очаг хранит тепло...»	11
«Кот-луноход таращит глаза в потолок...»	12
«В школе понял, я гнилой винтик системы...»	14
Ангел	16
«Трижды убить Дездемону...»	18
Житие	19
Сиреневый фонтан	21
«Дорога затерялась в дюнах...»	23
«Люди, как мыши, скрылись по норам...»	25
«Красное солнце, алабандин...»	26
«Клавесин и пышные платья...»	27
«Исповедник-дождь да молитвенник...»	28
«Сажей вычерчен переулочок...»	30
«Печаль меня взрастить успела...»	32
«Тебя сегодня нет. И мне не спится...»	34
Жар-птица	36
Фарватер	38
Длинные тени...	40
Царь гороховый	42
Письмо перед казнью	44

Тетради Стихи

Дарья Черноусова

© Дарья Черноусова, 2020

ISBN 978-5-0051-2916-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Мелодия – по хроматической...»

Мелодия – по хроматической,
Клавиш едва касаясь.
Мотив антилирический,
По барабанам – заяц.

И сказочный, и дремлющий,
Жестокий, пьяный ветер.
И античеловеческий
Мой город, злой, как дети.

Решительно страдающий
Заплакал кроткий вечер
С той необъятной разницей,
Что не обнять за плечи.

Растерзанное, странное
Внутри пылает сердце,
На перекрестке каменном —
Растаявшие свечи.

Кленовый лист на мраморе,
Как барельеф застывший.
И самоцветным лаликом
Он расцветает пышным.

Душою растревоженной
Приник поэт, ликуя.
И в сюртуке поношенном
Ждет он поцелуя.

«Жизнь – зазеркалье надежд...»

Жизнь – зазеркалье надежд,
Бесхребетных – за борт.
Царство дремучих невежд,
Где забыт высший сорт.

Вниз, по наклонной – Земля,
В океан нечистот.
Только лишь слышится лязг
Поржавевших оков.

Звонкой монетой плати
За свободу и мысль,
Буквы с мальства затверди,
И молчи, и молись.

Призрачен клин журавлей,
И не виден полет.
Каждый сезон – все теплей,
Восковой тает лед.

Предком завещанный Дом
И жемчужный рассвет
Сломит неистовый шторм
И рука королей.

«День опрокинулся яшмовой чашей...»

День опрокинулся яшмовой чашей.
Сине-зеленое небо. А дальше —
Лошади-тучи, крылатые боги
Днем оросили лесную чащобу.

Ливень – потоком, фонтаном из рога
Моет до блеска дома и дорогу,
Город и камни убрал акварелью.
Тучам неважно, какой день недели.

Только зонты, как цветки георгина,
Тесно толпятся, спешат в магазины.
Радуга пестрая – мост через небо,
Солнце идет по нему, как троллейбус.

Лужа – зеркальная плоскость природы,
Смотрит в нее попрыгунья-сорока.
Танцем любятися капли и ветви,
Светом зеленым и радужным светом.

«Живой очаг хранит тепло...»

Живой очаг хранит тепло
Стремлений прежних и побед:
Не важно, сколько утекло
Мятежных дней, суровых бед.

Храню в страницах лепестки
Засохших роз и память дат,
Когда весенние ростки
Сушили спелый виноград,

Лились мелодии из уст,
И книги оживали в них,
Был чуток к счастью тонкий вкус,
И разум – безусловно чист.

Очаг согрел, тревоги нет,
И новый день несет мне весть
О том, что ветер снял берет,
И чудо, безусловно, есть.

«Кот-луноход тарашит глаза в потолок...»

Кот-луноход тарашит глаза в потолок,
Ходики бьют пять часов,
Тени тихо ушли погулять за порог,
Муза приходит на зов.

Шаг вперед, и словесный узор,
Словно шпага, впивается в грудь.
И весь день позабыт, словно сор,
Неимущего жалкий путь.

И, ломая привычный сервиз на столе,
Бумага исписана в кровь,
Позади оставляя сто лет
Полунемого слов.

Ранит муза, и душу вон
Прогоняет клоун, шутя.
И в голове: Джон Донн,
Колокол бьет, взойдя.

И в темноте ключевой
Снова звучит мотив.
Ошеломительный, злой

Армагеддон из титр.

Ретроспектива чувств,
Ломкая вязь,
Вершина псевдоискусств.
И я

Где-то пытаюсь встать,
По середине войны,
Духа и разума распри
Под светом луны.

Пой же, гитара, псалмы
Вечным, ликующим снам,
Без смысла терзая умы
Проснувшимся утром лбам.

«В школе понял, я гнилой винтик системы...»

В школе понял, я гнилой винтик системы:

Я не крал видюхи и не постил мемы.

Я живу благодаря сбою в матрице:

Тот шуруп, что по течению не катится.

И как ни сбивали меня с направления,

Создаю антиконформное мнение.

И тупые, скачущие обезьяны

Остаются для меня лишь толпой пьяниц.

От обнаженных тел мутит до ровоты,

Толпе не так далеко до идиотов.

Селфи-палки – в зубах, образ обезличен,

Смерть Земли на фото будет органична.

И плевок во след недавнему прошлому

Будет так бездарно изношен, опошлен.

И картинка HD будет на экранах:

На дороге, в кино, в фастфуд-ресторанах.

Кликай мышкой, играй, покупай и хавай.

Ты – продукт эпохи – заложен в заставку.

После не мечтай о других горизонтах:

Если ты не знаешь, не поставят двойку.

Ангел

Мечта – молитва во вселенной,
А в небе ангел бьется, пленный,
Хотел желание исполнить,
И вот – наказан птицеловом.

Он был не прав, мольбу услышав,
Какой-то проповедник лишний.
Летя, он промысел нарушил,
Проникся тем, чем грезят души.

Он впал к Всевышнему в немилость,
Добро напрасно тратил, силы
И бьется в виртуальной сети:
В сто раз прочней обычной плети.

И перья сломаны, и вера:
Напрасно быть пытался первым.
Молитвы – строчки из писанья —
Древнее летописных знаний.

Их пишет инок одинокий,
Читает, может, эти строки.
Всевышний только наблюдает
За тем, как висельник страдает.

Пленный ангел – не у трона,
И не услышишь его стона.
И сотни стрел, блаженных мыслей
Забыты на столе неслышно.

«Трижды убить Дездемону...»

Трижды убить Дездемону,
Порвать на клочки мулету,
Учинить над рассудком вендетту,
Любимцем стать миллионов.

Крушить, и наградами мерить
И жизнь, уникальный феномен,
И смерть, что стоит там, у двери,
Без пошлых ироний.

И шкуру носить леопарда,
Первобытный знак превосходства,
Где врут, там требовать правды
Без страха, без мата и злости.

И в Терек, поэтом воспетый,
Словесной добавить краски,
И сбросить с властителей маски,
И взвесить все брутто и нетто.

Житие

Не верь своим чувствам и лжи фараонов,
Кружись вслед движению сфер во вселенной.
Для жизни одной или тысячи клонов
Достаточно знаний и мудрости древних.

Иглы острее прошивает пространство,
Подобно единственно верному слову.
И мир не пройти и во множество странствий
Для поисков сердцу уютного крова.

Ломая изгибы дерев, словно ветер,
Стремится душа воссиять в небосводе
Так ярко на той или соседней планете.
И в памяти каждой – один тон мелодий.

Рождаются тысячи с новым оркестром
Романтиков, гениев, может, – подонков,
Свое занимают место в оркестре
Средь трупов живых или с голосом громким.

Так в чем же задумка, скажи, о Создатель,
Каким же пророкам нам верить, внимать
И есть ли еще хоть минута для счастья
Для света Земли, что исконная мать.

Сиреневый фонтан

Мой дождь – сиреневый фонтан,
Под ним – блестящий океан,
И рыбы плавают на ветках,
Касаясь облаков и света.

И торжество невероятных,
Волшебных солнечных объятий.
Холодный, тающий источник
Фруктовых песен, колокольчик.

Звенят хрустальные сережки.
На листьях – бисерные мошки.
Кареты – мраморные тыквы —
Запряжены мышиною свитой.

Деревья все – из изумруда,
Рубин – в закате и в салюте.
И тени будто из шутихи,
В витринах – каменные лики.

И туч готические храмы,
Верблюды, конница и ламы
Шагают через город браво,
Ступая гордо, величаво.

Навстречу – праздничные флаги
Из органзы, цветной бумаги.
И шар воздушный – через край,
За ним спешат апрель и май.

«Дорога затерялась в дюнах...»

Дорога затерялась в дюнах,
В годах нестарых и неюных
Пустынным солнцем ослепленный
Я шел к тебе, о донна.

Менялись дни на ночи,
Шел, не смежая очи.
Лишь миражи вдали я видел
И редко – облачные нити

Ты в башне птахой заточенной,
Теряя перья, билась в окна,
Не принимая гордо пищи,
Не ведая, что кто-то ищет,

Взывает к пресвятому року,
Хранит твой локон.
Перенимая чей-то почерк,
Я создал очерк.

И, размышляя вслух в дороге,
Безумный, повторяю строки
По-древнерусски, по латыни...
Найду иль позабуду имя?

Рискуя путь пройти впустую,
Я верю, что найду живую.
И стены башни рухнут в бездну,
Ты, лебедь, улетишь в безбрежность.

«Люди, как мыши, скрылись по норам...»

Люди, как мыши, скрылись по норам.
Хлоп! Мышеловка захлопнется скоро.

Там, по углам, в темноте, в подземелье,
В каменных клетках, закроются двери.

Сыр обернется коварной приманкой.
После – опять выбегать спозаранку.

Звери, покорные участи рабской,
Вечер свой скрасят наивною сказкой.

Музыка. Свет. И лоснящийся глянец:
Вновь подменили мошенники танец.

Глупые мыши бегут без оглядки
В страхе без сыра на вечер остаться.

«Красное солнце, алабандин...»

Красное солнце, алабандин,
Мерцает под облачным кружевом
В алебастровом пухе перин
Ярким воланом воздушным.

И алар нарядился шитьем,
В золотую тонкую нить
Под небесным лазурным щитом.
Сквозь алань видно стрелы-лучи.

Ярко-желтый, шуршащий атолл
Средь широкого моря лесов,
Словно вышитый мастером шелк
И чудесный для бабочек кров.

Род изысканных, плоских вершин —
У подножья косога дождя.
Для родимой планеты Земли —
Чуть трепещущий гимн соловья.

«Клавесин и пышные платья...»

Клавесин и пышные платья,
Бриллиантовый дождь на стенах.
Вальсируют пары среди красок
На картинах, подлинных фресках.

Золотые прически и кольца
В свете ярком блистают, искрятся.
Мрамор тонкий в манере барокко.
На столах – и напитки, и яства

В день страды и жары ломовой —
Плуг и лошадь на поле бескрайнем,
Пот селянин со лба утирает.
Тяжело в барском поле, хоть вой.

Униженье, кабацкая пьянка.
Труд за грош, труд за хлеб.
В избах каши на семь человек
Приготовили бабы-крестьянки.

«Исповедник-дождь да молитвенник...»

Исповедник-дождь да молитвенник
По-над городом, по-над церковью
Окрапил воров, вечных грешников,
На себя принял полуистину.

Льет и плачет сын с Богородицей.
И весною он, и по осени
Провожает голь мимо вольницы.
Дождь – бездомный сын за околицей.

Хоровод вели предки гордые,
Вызывая дождь в поле солнечном,
Внуки Дажьбога, дети кроткие.
Простирали вверх руки стертые,

Простодушные до наивности,
Сизоокие, белокурые.
Не заметили пламень внутренний,
От земли сырой ждали милости.

Их вела судьба: не дождалися.
Пораскинули крылья соколы
Да упали вниз, где-то около,

Не испив до дна разудалости.

«Сажей вычерчен переулок...»

Сажей вычерчен переулок.
Неумелый художник – ночь,
И я, как палатный недоумок,
Которому спать невмочь,

Бреду без цели и воли
По асфальтовым рытвинам тьмы
После длительного застолья,
Не пытаясь выстроить мысль.

Колебание ветра и тени
Вопрошает у сердца приют.
Словно мертворожденный гений,
Тело вызвано им на суд.

И звук посредственной музыки
Останавливает перед авто,
И спина невольно сутулится,
Как написано на роду.

Шляпу – прочь. И ботинки намокли.
Я теряюсь, и улица – тоже.
Эха безответный окрик,
По спине пробежала дрожь.

Словно кошка из подворотни,
Силуэт мой крадется во двор.
И в кармане – не больше сотни
Честных денег: я ведь не вор.

В окнах гаснут ночные огни.
Я бродяга без роду и племени,
Без моей ненавистной родни.
Я недоучка в четвертой степени.

Друг мой, клен, срублен под корень.
Одиночество так и грызет нутро.
Вот она, поэта доля:
Черный свет карих глаз да вино.

«Печаль меня взрастить успела...»

Печаль меня взрастить успела
На почве бедной и сухой.
Я плохо танцевала, пела
И стала дочерью плохой.

Ревнивый гений самолюбья
Меня питал и вразумлял.
Я не такая, как все люди,
Войны потомок и менял.

Кривая лестница на небо
Едва меня не забрала.
Я стала верить, и молебен
Я совершала куполам.

Да только пусто было в сердце,
И крест меня не вдохновил,
Устала думать о запретах
И подросла по мере сил.

Живее мыслится на воле,
Где степь, и горы, и леса.
Я о такой мечтала доле,
Где места нет моим слезам.

И породнилась я с тобою,
И часть меня родилась вновь,
Забыты подлости и горе,
Проникновенен новый зов.

«Тебя сегодня нет. И мне не спится...»

Тебя сегодня нет. И мне не спится.
Молчание, как каменный удар.
Мне завтра будет ровно тридцать.
Шампанское на землю лью. Пожар.

Горят нерукописные шедевры
Писак, таких нескромных и пустых.
Вчера была последней. Буду первой.
Я претворю надежды в быль.

Кусают локти бывшие друзья,
Поклонники толпятся за стеною.
Цветы на празднике, царяд
Весь перепачкан моей кровью.

Но я смеюсь. Отрадна мишура,
Которой обмотали мои плечи.
Пора везде по-крупному играть,
И жить мне проще станет, легче.

Изломы судьбоносных дней
Торчат, как сломанные кости.
Я здесь. И каждый шаг длинней.

И выше, кажется, я ростом.

И свет, и музыка так ждут
Моих ошибок и тревоги.
Не будет их. И свой приют
Найдут на небе мои строки.

Жар-птица

Трепещет ветер под луной,
Боясь спугнуть жар-птицу,
Заговоренный, ледяной
В небесном темном ситце.

Дрожит. И тени обогнал,
И ловит праздных мотыльков,
Которых лунный свет на бал
Позвал, как звал любовь.

Под небом – и дворец, и зал
Для танцев, колдовства.
И гости – в масках, и вуаль.
Флиртует дама-вамп.

Жар-птица яблоки в саду
Ворует по ночам.
Вот перья, и огонь, и звук
Ее волшебных чар.

И небо вторит голосам
Шаманских дум, молитв.
И отверзаются уста
Участников всех битв.

Фарватер

В запах бензина выдохся тусклый город.
Мне в открытые двери стучится холод.
Я словно ветрами надомленный колос,
Приглушенный хрипами внутренний голос.

Мне бы вырваться, пятясь, в ранние годы,
Поменять свою жизнь, и город, и говор.
Молю, забываю и снова, и снова.
И слово, и время жестокости, как молот.

Заступает конвой на службу закона.
Я опять пригвожден, забыт, заколдован,
Многократно и глупо всеми обманут,
Замкнут в себе. Ужалил ядом тарантул.

Лета, как часы, – мимо жизни. И мысли —
В никуда, мимо бумаги. Будто гильзы,
Бесцельно в грязи забыты старания,
Обучение, нерв, подковерные драмы,

Упущенных множество пылких дерзаний.
Упавшая с яблони горькая завязь
Много больше пользы несет для природы,
Чем одни несостоявшиеся роды.

Стереотипы – это гнойные раны
И струпья на теле общественных саун,
Глумящийся шут над вящим сознанием.
И протест, и конвой таинственно замер.

И я склоняю голову от удара
Прямо в сердце стрелой арбалета. Мало
Испытано сил, средств, точащих характер.
Слишком узким пришелся этот фарватер,

Чтобы быть на плаву серьезных исканий,
Не терять при этом имя, сознание,
Задабривать грифов, коршунов до поры,
Не спешить, чтобы могилу себе не рыть.

Длинные тени...

Длинные тени и свет фонарей,
Быль легенд ожила в октябре.
В тишине мокрый, тающий снег
Рассказал мне секрет о тебе.

И сложилась правдивая песнь:
Ни хвала, ни хула и ни лесть.
Только сердце раскрыло печаль.
И печаль восторгалась в начале,

На пороге любви и страды,
Трепетала, искала следы
Доброты, и нечаянно злым
Оказался блистательный смысл.

Философским, циничным умом
Ты улыбку сокрыл под крылом,
Словно ангел, забывший добро.
От меня ты не скроешь нутро.

Я читаю твой дух по слогам,
Как дитя, повторяя слова.
Твоих чувств позабытый родник
Через устье случайно проник,

И нахлынул он в море страстей
Долгожданным крушителем стен,
Обнимая и камни, и лед,
И повержен мучительный гнет.

Царь гороховый

Веселится скоморох,
Шутит и танцует.
И Петрушка снова смог
Завладеть толпою.

Всем на зависть балаган
Разыгрался вволю,
Скоморошничает сам
Царь на беззаконье.

И кривляется, смешит
В шутовском наряде,
Весь изысканно расшит,
Гном на маскараде.

А придворные спешат
Подыграть оркестру
И кивают муляжам
По порядку действия.

Но за ширму свет проник:
Шум, бардак и ругань.
Опозорен царь-шутник,
Сцену взяли штурмом.

Новый строится театр
На разрухе старой,
И врагом стал брату брат
Из соседних армий.

Хлеб и зрелище дают
Им почти бесплатно.
И король, и верный шут
С радостью азартной.

Балаганчик заводной
Встал пред оком судным,
И на ярмарке цветной
Радуются люди.

Письмо перед казнью

Увы, теперь не быть с тобой,
Я подписал своею кровью
Мой смертный приговор.
И скачет сердце-громобой,
Танат у изголовья
Вершит свой судный спор.

Урод кривляется у трона,
В зеркале – отражение медузы.
Я поборол все зло,
Молюсь премногословно,
Как молятся все трусы.
А завтра – выход на поклон.

А завтра... Нет, не пиши ответ.
Пускай вершится право
На жизнь и на простой покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.